

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-63-78

Метатекст как методологический ключ для трансформации экзистенциальных противоречий Ницше в философские апории

Сергей Владимирович Сахневич

Институт деловой карьеры

Москва, Россия

crash68@yandex.ru

Аннотация

Произведения Фридриха Ницше обладают огромной мотивационной силой, способной в одночасье изменить вектор развития человека и даже целого сообщества. Однако данная ценность может нивелироваться рядом противоречий, которые снижают доверие к его произведениям со стороны среднестатистического читателя, привыкшего рассматривать стабильность и постоянство взглядов философа – и вообще каждого человека – как лакмусовую бумажку для оценки его значимости и достоверности. Поэтому, для того чтобы не оттолкнуть и даже расширить круг читателей Ницше, нам представляется необходимым найти точку опоры, которая позволила бы интерпретировать суть данных противоречий, что и является целью нашей статьи. И если источником для идентификации противоречий нам послужит основной дискурс Ницше, то для принципиально новой исходной позиции, которая позволила бы разворачивать единую структуру предмета исследования и именно в этом контексте представить все противоречия как систему апорий, связанных в целое, будет метатекст, потому что это та локация, где автор плохо контролирует свои нарративы, будучи расслабленным и в непринужденной обстановке. Методологией служит деконструкция текста. Результатом статьи может стать целостная сеть взаимосвязанных «разломов» Ницше, каждый из которых задокументирован через леммы и паттерны, благодаря чему читатель получает не упрощенную догму, а прозрачную карту противоречий и путей их осмысления, что повышает доверие и расширяет аудиторию, готовую вступать в диалог с текстом.

Ключевые слова

апории Ницше как катализатор становления, деконструкция, дискурс Ницше как источник апорий, метатекст Ницше как методологический ключ для деконструкции и синтеза противоречий в апории, нормативный догматизм читателя

Для цитирования

Сахневич С. В. Метатекст как методологический ключ для трансформации экзистенциальных противоречий Ницше в философские апории // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 3. С. 63–78. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-63-78

Metatext as a methodological key for transforming Nietzsche's ontological paradoxes into philosophical aporias

Sergey V. Sakhnevich

*Institute of Business Career
Moscow, Russia
crash68@yandex.ru*

Abstract.

Friedrich Nietzsche's works possess a tremendous motivational power, capable of instantly changing the trajectory of an individual or even an entire community. However, this value can be undermined by a number of contradictions that reduce the average reader's trust in his writings – a reader accustomed to treating stability and consistency of a philosopher's views (and of a person in general) as a litmus test of their significance and reliability. Therefore, in order not to alienate but to broaden Nietzsche's readership, we deem it necessary to find a point of support that would allow us to interpret the essence of these contradictions; this is the aim of our article. If the primary discourse of Nietzsche will serve as the source for identifying contradictions, then a fundamentally new starting position that would permit the unfolding of a unified structure of the subject matter – and in which all contradictions can be presented as a system of aporias linked into a whole – will be the metatext, because it is the locus where the author exercises less control over his narratives, being relaxed and at ease. The methodology will be the deconstruction of the text. The outcome of the article may become a coherent network of Nietzsche's interrelated «fault lines», each documented through lemmas and patterns, whereby the reader receives not an oversimplified dogma but a transparent map of contradictions and paths for their interpretation, thereby increasing trust and expanding the audience willing to engage in dialogue with the text.

Keywords

deconstruction, Nietzschean aporias as a catalyst of self-actualisation, Nietzsche's discourse as a source of aporias, Nietzsche's metatext as a methodological key for the deconstruction and synthesis of aporias, normative dogmatism of the reader

For citation

Sakhnevich S.V. Metatext as a methodological key for transforming Nietzsche's ontological paradoxes into philosophical aporias. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 3, p. 63–78 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-63-78

Введение

Философское наследие Фридриха Ницше характеризуется фундаментальной парадоксальностью, где афористическая мощь сочетается с системной нестабильностью суждений [Ясперс, 2003, с. 71]. Подобная противоречивость, выражающаяся в радикальной смене оценок одних и тех же философских и исторических фигур, создает серьезные герменевтические проблемы для читателя и исследователя [Ницше, 1882, с. 82]. Как следствие, ключевым вопросом в ницшеведении становится проблема: каким образом интерпретировать тексты, которые не предлагают единого и стабильного авторского голоса?

Карл Ясперс, предлагая стратегию «медленного чтения», указывает на необходимость кропотливого анализа этих противоречий [Ясперс, 2003, с. 71]. Развивая этот подход, мы утверждаем, что продуктивным методологическим ключом к пониманию апорий Ницше является анализ его метатекстов – личной переписки, черновиков и заметок. В этих текстах, где автор действует вне рамок «постановочного» философского дискурса [Ницше, 1994а, с. 489; McCormack, 1986,

р. 18, 29], можно проследить генезис и контекст формирования противоречивых оценок.

В рамках нашего исследования противоречие понимается не как логическая ошибка, а как семантическое напряжение между двумя неустраиваемыми и взаимоисключающими позициями, зафиксированное в тексте. Критерием для его идентификации служит наличие бинарной оппозиции, как, например, в случае с Шопенгауэром («дрессировщик и воспитатель» [Ницше, 1874, с. 11] vs «источник трупного запаха» [Ницше, 2022, с. 231]) или Сократом («чудовищный ум» [Там же, с. 97] vs «исполин, вырубленный из цельного камня» [Ницше, 1994б, с. 192–253]).

1. Противоречия Ницше

Фридрих Ницше демонстрирует систематическую парадоксальность в оценке ключевых исторических и культурных феноменов. Его подход к Древней Греции служит тому ярким примером: с одной стороны, он видит в Гераклите, Пармениде и Анаксимандре источник жизненной энергии, иррационального слепого порыва и творческой силы, с другой – резко критикует рационалистический поворот, связанный с Сократом и его принципами: «Всё должно быть разумным, чтобы быть прекрасным», «Лишь знающий имеет добродетель», что стало, по его словам, «смертоносным принципом» [Ницше, 2020а, с. 92, 95, 97].

Эта двойственность пронизывает его отношения с ключевыми фигурами европейской истории. Так, Мартин Лютер предстает у него носителем «дионисийской мощи и первобытной жизненной энергии», «чудной, внутренне здоровой и первобытной силы» [Бертрам, 2013, с. 86–87], но одновременно осуждается как «апостол Павла», разрушивший возвышенную сложность римской культуры. Лютеровская Реформация интерпретируется Ницше как «выражение гнева простых людей» против аристократической многообразности, приведшее к вульгаризации веры и торжеству филологии над живым религиозным чувством [Ницше, 2020б, с. 159; Ницше, 2020а, с. 120]. Итогом деятельности Лютера стал, по Ницше, «простецкий и мужицкий бог» [Ницше, 2020б, с. 18–19], а резюме самого Лютера в понимании Ницше звучит так: «Какая глыба, какой характер и сила – и на какие ничтожные проблемы все это растрчено!» [Ницше, 2003, с. 18].

Наиболее показательную эволюцию претерпевает оценка Рихарда Вагнера. Изначально он воспринимается как «дионисический бог», воплощение «воли к власти, какой никогда еще не обладал человек», способный преображать хаос и разрушение в творческую силу [Ницше, 2019, с. 167; Ницше, 1882, с. 127]. Однако позднее Вагнер превращается для Ницше в символ упадка, чья музыка отрицает гармонию и жизнь, предлагая вместо нее «безразличное единство» [Ницше, 2017, с. 13]. Ницше иронизирует над его стилем: «Вагнер дает нам недостаточно кусать. Его вокальный драматический стиль – мало мяса, уже больше костей и очень много подливки» [Ницше, 2003, с. 231]. Финал этой эволюции – причисление Вагнера к «болезням» и сравнение с Гегелем, чей систематизирующий дух подавляет жизненное начало [Ницше, 1882, с. 63; Ницше, 2022, с. 206].

Схожая участь постигла и Артура Шопенгауэра. В работе «Шопенгауэр как воспитатель» Ницше превозносит его как «наставника и дрессировщика», об-

разец честности, веселости и постоянства, противопоставляя его сухой немецкой учености [Ницше, 1874, с. 8, 11, 13, 19, 21, 46]. Однако позднее Шопенгауэр становится олицетворением «враждебности жизни», морали сострадания как «инстинкта *décadence*» [Ницше, 2019, с. 12, 265]. Апогеем критики становится характеристика его философии как «ядовитой тропической растительности, которая отравляет жизнь своими испарениями далеко на тысячелетия» [Там же, с. 319].

Этот критический пафос распространяется и на немецкую культуру в целом. С одной стороны, Ницше верит в «дивное здоровье, глубину и дионисическую силу» «немецкого духа», дремлющего подобно рыцарю в пропасти [Ницше, 2020а, с. 163], и заявляет: «Я больше немец, чем им могут быть нынешние немцы» [Ницше, 2019, с. 114]. С другой – он обрушивается на немецкую «инерцию, неподвижность, филистерскую сонливость Ганса-мечтателя», называя немцев «подлейшей породой людей» и благодаря небо за свои польские корни [Ницше, 1994а, с. 19, 413, 434, 479, 486]. Причину неудачи Возрождения он видит именно в «протесте отсталого германства» [Ницше, 2017, с. 149].

В поисках альтернативы Ницше обращается к России. Если в русском романе он сначала видит сборище «нервных болезней» и «отбросов общества» [Ницше, 2019, с. 44; Ницше, 2005, с. 123], то позднее Россия становится для него олицетворением мощи, противопоставленной «жалкому европейскому партикуляризму и нервозности» [Ницше, 2019, с. 327; Ницше, 2023, с. 485]. Особенно его привлекает «русский фатализм» – «безропотный» и принимающий, выступающий как «великое целебное средство» от ressentiment [Ницше, 2019, с. 120]. Даже способность русских «разрывать мясо зубами» и «грызть орехи» становится для него символом жизненной силы, противопоставленной слабости немецких желудков, склонным ко всему мучному, жирному и, главное, к кофе, этому напитку старости [Ницше, 1994а, с. 18–19; Ницше, 2019, с. 78].

Центральное понятие философии Ницше – «воля к власти» – также несет в себе внутреннее напряжение. С одной стороны, оно описывается как «мораль господ», «символический язык удачности, восходящей жизни» [Ницше, 2003, с. 252], проявляющаяся даже в архитектуре как «победа над тяжестью» [Ницше, 2019, с. 301]. С другой – Ницше настаивает, что материалом для этой воли является прежде всего сам субъект: «материалом, на который обрушивается творческая насильственная природа воли к власти, является сам ты, а не другой человек» [Ницше, 2003, с. 95], и потому ее нельзя сводить к простой силе или стремлению подчинить других [Ницше, 2019, с. 19].

Наиболее парадоксальной является оценка Ницше религии. Он проводит резкую границу между фигурой Иисуса и последующим христианством. Иисус для него – носитель «глубинного инстинкта», проповедующий любовь как «никогда ничему не противиться», чье учение было извращено апостольской общиной, особенно Павлом, в инструмент ressentiment и подавления жизни [Ясперс, 1994, с. 17, 24, 28, 80; Ницше, 2019, с. 62]. Поздние формы христианства (католичество, протестантизм), как и светские идеологии (социализм, либерализм и коммунизм), видятся ему продуктами этого же извращения [Ясперс, 1994, с. 42].

Выше христианства Ницше ставит буддизм, видя в нем более достойный и «амбициозный» путь, хотя и квалифицируя его как форму «пассивного ниги-

лизма и «пессимизма усталой и отживающей части человечества» [Кауфман, 2016, с. 387; Ницше, 2005, с. 39; Ницше, 2019, с. 30].

Проблема пессимизма и оптимизма получает у Ницше нетривиальную трактовку. Он отвергает сократовский «теоретический оптимизм» с его верой во всеислие разума и знания как «самую страшную форму “оптимизма слабых”» и симптом упадка [Ницше, 2020а, с. 102–103, 107–108, 110, 118, 163]. В противовес ему он выделяет «пессимизм силы», который он приписывает досократическим грекам – «стремление к безобразному, добрую строгую волю», волю к трагическому как выражение «бьющего через край здоровья» [Ницше, 2020а, с. 22–24]. Этот «пессимизм по ту сторону добра и зла» противопоставляется всем другим формам – пессимизму «ученых и поэтов», «русскому пессимизму» (Толстой, Достоевский и вся русская литература), «эстетическому пессимизму», «пессимизму чувствительности» как признаку истощения жизни [Ницше, 2005, с. 33, 40, 42–44, 69, 72, 80–81, 128, 386, 430, 464].

2. Идентификация доминирующих лемм в метатекстах Ф. Ницше

Анализ метатекстов Ницше – его личной переписки, черновиков и дневниковых записей – позволяет выявить ключевые леммы, формирующие семантическое поле его апорий. В отличие от отредактированных произведений, эти материалы фиксируют спонтанные реакции и бессознательные паттерны мышления, что делает их уникальным источником для реконструкции реальных мыслительных процессов.

Методологическая ценность анализа метатекста проявляется в выявлении доминирующих паттернов мышления, скрытых связей между идеями и точек трансформации взглядов. Операционализация требует выделения эмпирических признаков: частоты использования ключевых концептов, эмоциональной окраски высказываний и стилистической непринужденности.

Частотность дана в условных единицах относительно общего объема проанализированных метатекстов. В совокупности эти фразы образуют корпус «антиканонических» высказываний, где мотивы разрушения, яда и поедания функционируют как языковые маркеры апории. Они показывают, что метод Ницше в частной речи разворачивается в прагматику пересмотра норм, форм и процедур, выявляя противоречие между стремлением к радикальному обновлению и потребностью в стабилизирующих идеях.

Приведем срез примеров. В переписке с Матильдой Майер призыв «ощутить вместе со мной эту перемену и этот кризис» фиксирует не просто просьбу о соучастии, но риторическое включение адресата в переживание катастрофы как условия новой иерархии ценностей [Ницше, 2007, с. 14]. Ответ Майер – страх «краха вечной идеи вечного становления» – иллюстрирует конфликт между готовностью к разрушению и потребностью в онтологической опоре [Там же, с. 149].

В письмах к Генриху Кезелитцу мотив «невинности становления» выступает как прагматическая формула перестройки эстетико-нормативных процедур, а приглашение к перемене в Рапалло показывает, что для Ницше перемена – процедурная норма творческого акта [Там же, с. 199, 213]. Обращение к Буркхардту

об «условиях роста культуры» переводит личностную апорию в социокультурную программу [Там же, с. 259].

Таблица 1. Доминирующие леммы в метатекстах Ф. Ницше

Table 1. Dominant lemmas in F. Nietzsche's metatexts

Лемма	Частота	Контексты употребления	Примеры
Яд/Отравление	~15	Критика культуры, процесс мышления	«Друзья-отравители», «философский яд», «распространение чумы»
Разрушение/Взрыв	~14	Уничтожение старого порядка	«Стереть в порошок», «динамит», «расколоть историю надвое»
Разрыв/Одиночество	~12	Выход из сообществ	«Сжечь мосты», «монастыри для свободных умов», «быть странником»
Пища/Пищеварение	~11	Познание как физиологический процесс	«Желудок моего мозга», «тяжелая пища», «пить собственную кровь»
Болезнь/Лекарство	~10	Страдания как путь к преодолению	«Рецепт и лекарство», «очищение через страдание»
Переоценка/Перевоорот	~9	Смена перспективы	«Переоценка всех ценностей», «новое летоисчисление», «я – рок»
Трансформация/Создание	~7	Процесс вызревания новой идентичности	«Вынашивать замысел», «породить кентавра», «садоводство»
Низвержение/Казнь	~6	Агрессия против институтов власти	«Расстрелять кайзера», «прикончить Бисмарка», «распятие»
Хищничество/Жестокость	~5	Образы силы	«Вампиры», «молодой лев», «философствовать молодом»
Монстр/Чудовище	~4	Самоидентификация	«Монстр», «чудовище», «монстр»

Сообщения Лу Саломе о «всестороннем развитии как противоположности героического идеала» конституируют дискурс, где разрушение старого пафоса служит методическим приемом для нового становления [Там же, с. 10, 183]. Тезис Видманну о необходимости «безжалостно менять всю процедурную систему сти-

ля» демонстрирует прагматическое следствие апории: стиль подлежит радикальной реинженерии [Там же, с. 298].

В речи к Эмме Гверрьери-Гонзага о «глубоком изменении системы воспитания нации» и обращениях к Кругу и Пиндеру о преобразовании оратории бытовая риторика Ницше конкретизирует стратегию переворота на уровне образовательных и риторических институций [Там же, с. 69].

3. Леммы в качестве методологических ключей для трансформации противоречий в апории

Предложенная методика переводит анализ текста на строго эмпирическую площадку: сначала собирают и лемматизируют единицы – не просто слова, а смысловые ядра (леммы), которые повторяются, выделяются или стоят в напряжённых оппозициях; критерий валидности леммы прост и проверяем: она должна встречаться в разных контекстах, образовывать явную бинарную оппозицию с другой леммой и выступать центром притяжения метафор и образов. На практике первичное чтение проводится чисто «засаекающе»: мы отмечаем слова, которые повторяются, звучат резко или создают семантическое напряжение; одновременно фиксируем пары оппозиций (например, болезнь/здоровье, свобода/долг, истина/заблуждение), потому что апории чаще формируются именно на стыках противоположностей. Собранные кандидаты оформляют в список лемм-кандидатов с указанием источника (документ, страница, строка) и короткой контекстной цитатой для трассируемости; лемма признаётся валидной, если выполняет упомянутые условия и имеет не менее заданного порога вхождений (порог определяется по корпусу, например $n \geq 3$ для небольших собраний).

Далее фиксируются паттерны – устойчивые языковые конструкции, метафоры, синтаксические модели и прагматические акты, которые показывают, как леммы взаимодействуют и где рождаются логические трения. Для этого собирают конкордансы по каждой лемме: все вхождения выписывают с контекстом (предложение или абзац), затем группируют по повторяющимся конструкциям в окне ± 5 слов. Категоризация паттернов делается по типам: метафорические (инверсии, физиологизации, механизации, вампиризм и т. п.), синтаксические (частое употребление противительных союзов «но», «однако», «хотя», сбой в согласовании), прагматические (перформативные высказывания, утверждения-действия) и дискурсивные (цитатные формулы, возвышенные апелляции к аудитории). Каждый паттерн фиксируется формально: его лексическая реализация, частота вхождений, распределение по жанрам корпуса (письмо, заметка, черновик) и примеры-конкордансы. Устойчивость паттерна оценивается по критерию повторяемости: паттерн считается релевантным, если он реализуется в нескольких (минимум трёх) независимых документах или не менее трёх раз в разнородных частях одного большого документа.

Ключевым операциональным инструментом является матричная таблица, где по строкам стоят леммы, по столбцам – типизированные паттерны и конкретные примеры реализаций, а в ячейках фиксируются наблюдаемые сочетания и их статистика (число вхождений, ссылки на конкордансы). Эта таблица служит

для системного выявления «разломов»: апория определяется как устойчивое внутреннее противоречие, когда два или более паттерна, соотносящиеся с одной леммой, вступают в логическое несоответствие, либо когда паттерны, относящиеся к разным леммам, создают взаимную несовместимость в рамках одного дискурсивного хода. Например, если в контексте леммы «болезнь» встречается метафорический паттерн «болезнь = освобождение» одновременно с прагматическим паттерном «болезнь = личная слабость/унижение», это не просто семантическое многообразие, а потенциальная апория пользы/вреда, требующая анализа структурного конфликта между нормой и личным переживанием.

Чтобы апория была признана эмпирически верифицируемой, применяют три обязательных критерия валидности: 1) трассируемость доказательств – для каждой зафиксированной атории должны быть приведены конкретные конкорданс-цитаты с указанием источников, чтобы любой исследователь мог воспроизвести вывод; 2) устойчивость паттернов – выявленные паттерны должны проявляться повторно и независимо в корпусе (по критерию многодокументности или многократности в одном документе); 3) межкодировочная верификация – каждое отнесение фрагмента к паттерну и вывод об атории фиксируется двумя независимыми кодировщиками, при расхождении привлекается третий арбитр и регистрируется аргументированное решение. Если апория проходит эти три фильтра, её можно считать эмпирически подтверждённой, а не интуитивной интерпретацией.

Аналитически важен именно момент коллизии: недостаточно показать, что лемма имеет множество значений, нужно показать, что эти значения в тексте выступают в отношении логической несовместимости, не разрешаемой внутренними ресурсами дискурса. Для этого внутри матрицы выделяют две категории разломов: внутренние (конфликт паттернов, касающихся одной леммы) и межлеммовые (конфликт между паттернами разных лемм). Каждую такую точку маркируют коротким диагностическим заключением – формулой атории, указывающей природу противоречия (например, «пользы/вреда», «перформативности/достоверности», «естественности/культуры») – и сопровождают перечнем репрезентативных цитат и данных о частоте. Финальная стадия – синтез: на основании матрицы составляют аргументированный вывод о том, являются ли атории ядром философского подхода автора (системная стратегия переоценки, риторический приём) или симптомом личного/жанрового разлада (перформативная маска, конфликт ролей, психофизиологическая нестабильность). Такой протокол переводит работу из области герменевтической интуиции в воспроизводимое эмпирическое исследование, где апория – не тезис интерпретатора, а вывод, проверяемый по заданной процедуре и конкретным языковым маркерам. Например, исходное противоречие: Шопенгауэр – сначала учитель, отец и образец честности, помогавший Ницше бороться с эпохой, а позже – труп, источник разложения и яд, отравляющий жизнь на тысячелетия. Лемма метатекста: Переоценка/Переворот. Апория воспитателя-разрушителя. Тезис: Фигура Учителя необходима на определенном этапе становления как опора для переоценки господствующих ценностей и преодоления современности. Антитезис: Пройдя этап ученичества и набрав силу, воспитанник обнаруживает, что сам учитель является носителем более глубокой и опасной болезни (*decadence*, отрицание воли). Верность духу

учителя требует его полного низвержения и переворота в оценке его наследия. Апория: Следовательно, подлинное следование учению учителя в итоге требует его тотального отрицания. Чтобы быть верным тому, чему он научил (быть сильным, независимым, идти против течения), ученик должен убить в себе ученика и объявить учителя своим главным врагом. Философский рост осуществляется через слом оснований.

3.1. Апория отравленного источника: Христос против христианства

Всё начинается с фундаментального разлома. Ницше, этот «антихрист», с почти болезненным восхищением пишет о фигуре Иисуса – не как о Боге, а как о практике, жившем «инстинктивной жизнью» здесь и сейчас, чья практика была «психологической реальностью спасения». Это ядро, чистейший импульс жизни, не нуждающийся в догмах. Но вот апория: сама попытка передать этот опыт, сделать его учением для «стада», институционализировать его – есть акт неизбежного отравления. Лекарство превращается в яд. И главные отравители – не злодеи, а самые искренние последователи, вроде апостола Павла. Так рождается апория отравленного источника: любое подлинное учение несет в себе семя собственной гибели. Его сила – желание разделить опыт – гарантирует его вырождение. Быть понятым – значит быть неправильно понятым. Историческая судьба любого «истинного» учения – это история его предательства.

3.2. Апория аскетической мощи: Будда и парадокс воли

Эта логика самоотрицания пронизывает всё. Ницше клеймит буддизм как «пассивный нигилизм», но тут же признает его титаническую силу. Здесь раскрывается суть воли к власти. Ее тезис – экспансия, подчинение мира. Но ее высший антитезис – это обращение вовнутрь: радикальное самоотречение, требующее не слабости, но колоссальной силы. Апория в том, что высшее проявление Воли к власти выглядит как полное ее отрицание. Сила и слабость – не противоположности, а две стратегии единой Воли, где аскеза – не отсутствие воли, а ее максимальная концентрация, созидание новой, парадоксальной реальности «силы через отречение».

3.3. Апория культурного родства: немец, ненавидящий немцев

Этот разрыв между сущностью и явлением определяет и личную трагедию Ницше. Он заявляет о своей глубочайшей связи с «немецким духом» – дионисийской силой, глубиной, здоровьем. Но чем больше он воплощает этот дух, тем яростнее его ненависть к современным ему немцам, в которых он видит лишь филистерство и пошлость. Рождается апория культурного родства: быть подлинным немцем – значит быть в непримиримом конфликте с реальными немцами. Верность духу нации обрекает на метафизическое одиночество. Разрыв становится единственной формой верности, а ненависть – мерой истинной любви.

3.4. Апория целительного упадка: русский фатализм как лекарство от Европы

Ницше расширяет эту диалектику на целые культуры. Россия и ее литература для него – сборище «нервных больных», симптом нигилизма. Но тот же самый культурный организм порождает фатализм «сибирских каторжников» – и вот он уже видится лекарством от европейской болезни – истеричного, мелочного *ressentiment*. Апория в том, что один и тот же феномен одновременно является и болезнью, и лекарством. Диагноз зависит от перспективы: то, что для одной системы – патология (фатализм), для другой, отравленной ресентиментом, – спасительное средство, «целительный упадок».

3.5. Апория самопреодоления: воля, которая должна низвергнуть себя

Сердцевина всей системы Ницше – воля к власти – сама является апорией. Ее тезис – агрессивное утверждение и экспансия. Но ее подлинный антитезис – это не подчинение другого, а насилие над собой, «казнь» своих слабых «я». Чтобы утвердить себя, Воля должна сначала себя отрицать. Апория самопреодоления: Быть собой – значит постоянно преодолевать себя. Жизнь есть процесс, который должен сам себя судить и казнить, чтобы стать сильнее. Высшая власть – это власть над собой, достижимая лишь через акт вечного самонизвержения.

3.6. Апория воспитателя-разрушителя: убить учителя, чтобы остаться ему верным

Эта трагическая диалектика проявляется в личных отношениях мыслителя. Шопенгауэр – сначала учитель, отец, опора в борьбе с эпохой. Но, пройдя этап ученичества, Ницше обнаруживает, что сам учитель – носитель более глубокой и опасной болезни, «труп, отравляющий жизнь». Рождается апория: подлинная верность учению учителя требует его тотального отрицания. Чтобы быть верным тому, чему он научил (быть сильным, независимым), ученик должен убить в себе ученика и объявить учителя главным врагом. Философский рост осуществляется через предательство своих оснований.

3.7. Апория созидательного разрушения: дионисийский взрыв Лютера

Эта логика работает и в истории. Лютер для Ницше – фигура дионисийская, здоровая сила, взорвавшая прогнившую систему Рима. Но апория в том, что стихийная сила разрушения неразборчива. Взрыв не только уничтожает больное, но и огрубляет, упрощает, вульгаризирует. Результатом творческого взрыва стал «мужицкий бог» и разрушение «дивной ткани» старой культуры. Творческая и разрушительная сила – суть одно. Нельзя вызвать к жизни новое, не рискуя уничтожить ценное старое и породить примитивное новое.

3.8. Апория рационального насилия: Сократ как хищник жизни

Даже разум, этот идол Просвещения, подвергается апоритическому разбору. Разум (логос) кажется светлой силой, противостоящей хаосу. Но возведенный в абсолют Сократом, он становится формой интеллектуального хищничества, который с жестокостью подавляет дионисийское начало, расчленяя живой организм культуры на логические категории. Апория: то, что считается высшим достижением культуры (разум), является ее внутренним врагом, актом насилия над основами самой жизни. Прогресс разума оплачивается жестокостью по отношению к инстинкту.

3.9. Апория диагностирующего монстра: пессимизм силы и оптимизм слабости

Эта система переворачивает все привычные оценки. Общепринятое («оптимизм – хорошо, пессимизм – плохо») оказывается ложным. Истинный пессимизм силы, говорящий «нет» современному миру, выглядит в глазах общества чудовищем. Но именно этот «монстр» – честный диагност. Настоящее же чудовище – «сладкий» оптимизм, который, как яд, маскирует упадок. Апория: чтобы исцелить культуру, нужно принять чудовище пессимизма как симптом здоровья и распознать в привлекательном оптимизме истинную болезнь.

3.10. Апория духовного питания: Вагнер – пища, которая отравляет

Наконец, само восприятие искусства становится апорией. Искусство должно быть пищей, укрепляющей дух (тезис). Но пища Вагнера, которая сначала кажется питательной и дионисийской, при глубоком «пищеварении» оказывается неусвояемой, тяжелой, отравленной скрытым нигилизмом (антитезис). Апория в том, что ценность культурного явления определяется не первоначальным впечатлением, а его конечной усвояемостью. Философ должен обладать сильным «желудком», чтобы отличать настоящую пищу от яда. Один и тот же продукт может быть и тем, и другим в зависимости от силы того, кто его потребляет.

Таблица 2. Сводная таблица соответствия лемм и метатекста

Table 2. Summary table of lemma and metatext correspondence

Пассаж	Наиболее подходящая лемма метатекста	Апория, вытекающая из противоречия
1	2	3
1.1. Христос и христианство	Яд/ Отравление	Апория первоисточника: Может ли учение, рожденное как «противоядие» (жизненная практика Иисуса), сохранить свою чистоту, или его институционализация неизбежно превращает его в «яд» (ressentiment, система догм), отравляющий исходный смысл?

Продолжение табл. 2

1	2	3
1.2. Будда и буддизм	Трансформация/ Создание	<i>Апория аскетической мощи:</i> Является ли радикальное отрицание воли (аскеза) признаком упадка и слабости или, парадоксальным образом, высшей формой проявления воли к власти, создающей новую духовную реальность?
1.3. Немец Ницше и немецкий народ	Разрыв/ Одиночество	<i>Апория культурного родства:</i> Можно ли быть частью народа, являться квинтэссенцией его духа («больше немец, чем немцы») и при этом находиться в тотальном разрыве с его современным состоянием, обрекая себя на метафизическое одиночество?
1.4. Россия, русская литература и русский фатализм	Болезнь/ Лекарство	<i>Апория целительного упадка:</i> Может ли симптом культурной «болезни» (фатализм, нигилизм, «нервность» литературы) быть одновременно и «лекарством» от другой, более страшной болезни европейского декаданса – <i>ressentiment</i> ?
1.5. Воля к власти и воля к власти над собой	Низвержение /Казнь	<i>Апория самопреодоления:</i> Требуется ли утверждение жизни (воли к власти) непрерывного насилия над собой, «казни» своих текущих, слабых состояний, то есть частичного «низвержения» самой жизни во имя ее же будущего усиления?
1.6. Шопенгауэр	Переоценка/ Переворот	<i>Апория воспитателя-разрушителя:</i> Может ли фигура, бывшая лекарством и «воспитателем» для преодоления болезни своей эпохи, в итоге оказаться главным симптомом и ядом другой, более глубокой болезни (<i>decadence</i>), требующей тотальной <i>переоценки</i> своего значения?
1.7. Мартин Лютер	Разрушение/ Взрыв	<i>Апория созидательного разрушения:</i> Может ли акт взрывной, дионисийской силы, направленный

Окончание табл. 2

1	2	3
		на <i>разрушение</i> прогнившей системы (Рим), случайно <i>разрушить</i> и нечто ценное («дивную ткань» культуры), создав нечто убогое («простецкого бога») на ее обломках?
1.8. Древняя Греция	Хищничество/ Жестокость	<i>Апория рационального насилия:</i> Является ли торжество разума (Сократ) актом просвещенного созидания или формой <i>хищничества и жестокости</i> по отношению к более здоровому, целостному и дионисийскому фундаменту жизни, который он подавляет и «поедает»?
1.9. Триализм оптимизма и пессимизма	Монстр/ Чудовище	<i>Апория диагностирующего монстра:</i> Является ли пессимизм чудовищем упадка или он – единственно честный взгляд на мир, рождающий нового, преодолевшего себя <i>монстра</i> – сверхчеловека? И не является ли оптимизм куда более страшным и коварным <i>чудовищем</i> , маскирующим упадок под прогресс?
1.10. Рихард Вагнер	Пицца/ Пищеварение	<i>Апория духовного питания:</i> Может ли пицца (искусство Вагнера), которая сначала воспринималась как питательная и укрепляющая («богатая жизненной силой»), оказаться неусвояемой, вызывающей несварение и в итоге отравляющей, требующей от организма реакции отторжения?

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что метатекст Фридриха Ницше выполняет не просто вспомогательную, но ключевую методологическую функцию. Он служит инструментом для деконструкции и синтеза его центральных апорий. Как показал анализ, именно в материалах черновиков, писем и заметок раскрываются устойчивые семантические паттерны, которые структурируют

и объясняют кажущиеся противоречия основного корпуса его работ. Эти паттерны выступают в роли методологических ключей, позволяющих интерпретировать апории не как логические сбои, а как элементы единой стратегии философского становления.

Таким образом, противоречия в оценках Ницше предстают не случайными разногласиями, а стадиями диалектического процесса усвоения, преодоления и трансформации, который можно описать формулой: «поклоняться учителю – сокрушить учителя – съесть учителя – изрыгнуть новую философию» [Лёвит, 2016, с. 119; 211]. Этот процесс раскрывает эвристический потенциал апорий, превращая их из препятствия для понимания в трамплин для интеллектуального роста. Как отмечает Ницше, воля выступает фундаментальным основанием всех иных «эмотивов» – любви, уважения, дружбы [Ницше, 2022, с. 104], а потому апории, связанные с волей к власти, раскрываются как две стороны единого процесса самопреодоления.

Практическая и прогностическая значимость работы заключается в следующем:

- предложен методологический ключ. Разработанный инструмент метатекстуального анализа позволяет систематизировать апории Ницше как проявление целостной стратегии и применяется не только к его работам, но и к другим «трудным» авторам (Достоевскому, Кьеркегору, Деррида). Это снимает интеллектуальный барьер, превращая чтение из акта пассивного восприятия в активный диалог;
- выведен алгоритм развития. Из анализа вытекает универсальная формула роста через усвоение и преодоление любого авторитета («съесть учителя»). Эта модель имеет прямое применение в сфере образования, менторства и личного саморазвития, предлагая альтернативу слепому следованию и тотальному отрицанию;
- достигнут терапевтический эффект. Исследование меняет отношение к внутренним противоречиям – как в текстах, так и в жизни – позволяя видеть в них не угрозу, а источник потенциала и точку роста;
- обозначен прогноз устойчивости идей. Работа показывает, что сила идей Ницше – в их продуктивной напряженности и встроенном механизме внутренней критики. Это позволяет прогнозировать, что философские системы, основанные на догмах, уступают системам, открытым для саморазвития и переоценки. Таким образом, внедрение такого подхода в образование может способствовать формированию более гибкого и критического мышления. В итоге практический результат данной работы – это не новое прочтение Ницше, а новый способ мыслить вместе с ним: интеллектуальный инструмент, который служит инвестицией в формирование «иммунитета» к догматизму и способности к постоянному обновлению.

Список литературы

- Бертрам Э.** Ницше: Опыт мифологии. СПб.: Владимир Даль, 2013. 575 с.
- Кауфман В.** Ницше: философ, психолог, антихристианин. СПб.: Владимир Даль, 2016. 655 с.
- Лёвит К.** Ницшевская философия вечного возвращения того же. М.: Культ. революция, 2016. 336 с.

- Ницше Ф.** Веселая наука. М.: ОМКО, 1882. 165 с.
- Ницше Ф.** Шопенгауэр как воспитатель. М.: Фолио, 1874. 55 с.
- Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. М.: Прогресс, 1994а. 512 с.
- Ницше Ф.** Философия в трагическую эпоху. М.: RELF-book, 1994б. 416 с.
- Ницше Ф.** К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культ. революция, 2003. Т. 11. С. 5–200.
- Ницше Ф.** Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культ. революция, 2005. 880 с.
- Ницше Ф.** Письма. М.: Культ. революция, 2007. 400 с.
- Ницше Ф.** Учиться у Заратустры. М.: АСТ, 2017. 369 с.
- Ницше Ф.** Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М.: АСТ, 2019. 352 с.
- Ницше Ф.** Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Акад. проект, 2020а. 166 с.
- Ницше Ф.** Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. М.: Акад. проект, 2020б. 334 с.
- Ницше Ф.** Генеалогия морали; Казус Вагнер. М.: АСТ, 2022. 256 с.
- Ницше Ф.** Падение кумиров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
- Ясперс К.** Ницше и христианство. М.: Моск. филос. фонд «МЕДИУМ», 1994. 114 с.
- Ясперс К.** Ницше: Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2003. 628 с.
- McCormack M.** What They Don't Teach You at Harvard Business School. Glasgow: Fontana/Collins, 1986. 288 p.

References

- Bertram E.** Nietzsche: An Essay in Mythology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2013. (in Russian)
- Jaspers K.** Nietzsche and Christianity. Moscow: Moscow Philosophical Foundation «МЕДИУМ», 1994. (in Russian)
- Jaspers K.** Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophizing. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2003. (in Russian)
- Kaufmann W.** Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2016. (in Russian)
- Löwit K.** Nietzschean Philosophy of the Eternal Return of the Same. Moscow: Cultural Revolution, 2016. (in Russian)
- McCormack M.** What They Don't Teach You at Harvard Business School. Glasgow: Fontana/Collins, 1986.
- Nietzsche F.** Schopenhauer as Educator. Moscow: Folio, 1874. (in Russian)
- Nietzsche F.** The Jolly Science. Moscow: OMIKO, 1882. (in Russian)
- Nietzsche F.** Thus Spoke Zarathustra. Moscow: Progress, 1994а. (in Russian)
- Nietzsche F.** Philosophy in the Tragic Age of the Greeks. Moscow: RELF-book, 1994б. (in Russian)
- Nietzsche F.** To the Genealogy of Morality. Complete Works: in 13 vols. Moscow: Cultural Revolution, 2003. Vol. 11. P. 5–200. (in Russian)

- Nietzsche F.** The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values. Moscow: Cultural Revolution, 2005. (in Russian)
- Nietzsche F.** Letters. Moscow: Cultural Revolution, 2007. (in Russian)
- Nietzsche F.** Learning from Zarathustra. Moscow: AST Publishing, 2017. (in Russian)
- Nietzsche F.** The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols. Moscow: AST Publishing, 2019. (in Russian)
- Nietzsche F.** The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism. Moscow: Academic Project, 2020a. (in Russian)
- Nietzsche F.** Dawn: Thoughts on the Prejudices of Morality. Moscow: Academic Project, 2020b. (in Russian)
- Nietzsche F.** On the Genealogy of Morality; The Case of Wagner. Moscow: AST, 2022. (in Russian)
- Nietzsche F.** Twilight of the Idols. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. (in Russian)

Информация об авторе

Сергей Владимирович Сахневич, кандидат филологических наук
доцент, кафедра лингвистики, Институт деловой карьеры (Москва)

Information about the Author

Sergey V. Sakhnevich, Candidate of Sciences (Philology)
Associate Professor, Department of Linguistics, Institute of Business Career
(Moscow)

*Статья поступила в редколлегию 25.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 29.09.2025
The article was submitted 25.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 29.09.2025*